

Иосиф (Джузеппе) Москати

(25 июля 1880 г. – 12 апреля 1927 г.)

На нашем сайте, мы предлагали Вам посмотреть фильм **«Джузеппе Москати Исцеляющая любовь»**. Кто еще не успел его посмотреть, очень рекомендую.

Это картина о великом итальянском враче и гуманисте Джузеппе Москати.

Будучи еще молодыми студентами, он и его друг мечтают о будущей карьере и успехах в медицинской практике. В жизнь обоих приходит любовь, но друзьям предстоит сделать каждому свой выбор, который определяет всю их будущую судьбу.

Это фильм о предназначении человека, о ценностях, дружбе, любви, человеческом сердце, пути к себе и вере.

Джузеппе Москати родился 25 июля 1880 года в Беневенто. Он был шестым из девяти детей в состоятельной семье, его отец был видным юристом. Когда Джузеппе было 4 года, семья переехала в Неаполь, где он провёл всю свою оставшуюся жизнь.

Его детство и юность были ничем не примечательны - он рос в подлинно христианской семье, которую не обошли стороной несчастья: В 1892 году брат Джузеппе Альберто упал с лошади, стал инвалидом, и с тех пор ухаживая за братом, 12 летний подросток твердо решил всерьез заняться медициной. После окончания начальной школы он поступил в лицей Виктора Эммануила, затем учился на медицинском факультете Неапольского университета, который закончил в 1903 году со степенью доктора медицины.

Когда он поступает в университет, умирает его отец; через несколько лет после долгой болезни в возрасте всего 32 лет умирает и его брат, и Москати остается со своей сестрой. Но, не смотря на все трудности его жизни медицинскую академию, Джузеппе заканчивает блестяще.

Уже изначально Москати отличался от своих коллег тем, что относился к своей профессии, как священному сану.

В 23 года он получил степень доктора медицины. В 28 лет стал штатным адъюнктом (ассистент) больницы (будучи самым молодым кандидатом, победил в конкурсе, которого 30 лет ждали видные медики Южной Италии).

Во время извержения Везувия в 1906 году ему поручили руководить эвакуацией больницы в Торре-дель-Греко — он спас больных, рискуя собственной жизнью.

В 1908 году стал штатным ассистентом кафедры физиологической химии в неаполитанском медицинском институте.

В 1911 году внёс большой вклад в ликвидацию эпидемии холеры в Неаполе.

Во время Первой мировой войны попытался записаться в добровольцы, однако ему отказали,

посчитав, что его врачебные способности будут более полезны.

В госпитале, где работал во время войны Москати, под его попечением находилось до 3 000 раненых солдат.

Москати активно занимался научной и преподавательской деятельностью, и в весьма юном возрасте стал одним из самых молодых членов Королевской Медико-Хирургической академии, а в 39 лет стал главным врачом палаты неизлечимо больных.

В 1922 году специальная комиссия министерства общественного просвещения дала ему право свободного преподавания в общей лечебной клинике. Москати внёс большой вклад в изучение проблемы возникновения диабета, его труды во многом способствовали открытию инсулина.

Медицинский факультет неаполитанского университета был готов предоставить Москати кафедру клинической физиологии, если бы он только этого захотел.

Так, в кратком перечне основных этапов профессиональной карьеры Москати, видно, что в его жизни было все, о чем может мечтать любой студент-медик.

Джузеппе Москати, был великим врачом, человеком с блестящим медицинским образованием и блестящей

карьерой. Но не только успешная карьера принесла ему известность и почитание. **Москати был отличным диагностом;** точность его диагнозов удивляла даже именитых светочей медицины. Эта репутация привлекала к нему множество пациентов из самых разных слоев общества. **Он старался не отказывать в помощи никому, успевать к каждому.**

Знаменитейший врач Неаполя, великий Москати, как называли его в городе, вел скромное существование, оставляя для себя лишь малую часть своих заработков и раздавая все остальное нуждающимся.

Джузеппе был глубоко верующим человеком. Сейчас этим никого не удивишь. Но в начале 20 же века уважаемый врач-христианин - это нонсенс. **Наука была максимально отделена от религии, презирала ее.** И в этих обстоятельствах Джузеппе не только **не** скрывал своей веры, но и всячески ее подчеркивал и мягко пропагандировал.

Одним из главных постулатов в отношении Москати к больным было то, что он считал обязанностью врача лечить не только тело, но, по мере возможности, и душу, призывая больных приобщаться к церковным таинствам и жить в согласии с Богом.

Во времена, когда в научной, а особенно в медицинской среде, процветал материализм, подобные взгляды нажили ему множество недоброжелателей.

Против него шла борьба врачей - членов масонских лож - ибо он открыто исповедовал свою христианскую веру, а также и тех, кто видел в нем сильного соперника, несмотря на его молодой возраст.

Один очевидец рассказывает: *"Его презирали, высмеивали те, кому было не по душе честное, прямое и мужественное исповедание им католической веры: его называли маньяком, истериком, человеком не в своем уме, фанатиком"*.

В его адрес звучали и другие оскорбления - его называли *врачом священников и монашек"*. И он прекрасно знал об этом.

В одном из писем он писал: *"Я - звезда мельчайшей величины среди блистательных светил и буду рад исчезнуть в их свете, если, однако, взойдут яркие светила, а не мутные и слабые..."*

Некоторые свидетели открыто говорили об отношении завистников к Москати: *"Они хотели раздавить его, уничтожить"*.

Но все замечали, что эта борьба его совершенно не задевает.

"Все знали, - говорит очевидец, - что Москати был как священник, и борьба, которую вели против него врачи-масоны и коллеги-материалисты, никогда не повергала

его в уныние... Он часто говорил мне: "Что мне другие? Я забочусь о том, Чтобы угодить Богу".

И не смотря на все это, Москати оставался высокопрофессиональным врачом и ученым, и свои знания и талант он сочетал с глубокой Верой, безграничным милосердием и искренней любовью к людям.

Только милосердие и любовь могли дать ему силы после долгих часов в больничных палатах, после занятий со студентами, после работы в лаборатории, принимать и осматривать еще толпы больных, которые буквально не давали ему проходу ни дома, ни на улице.

Тем, кто спрашивал его, как он все это выносит, он просто отвечал: "У того, кто причащается каждое утро, неиссякаемый запас энергии".

Среди коллег Москати был известен своим бескорыстием. Вот знаменательное свидетельство врача, который часто наблюдал, как он лечит больных: *"Видя в больных образ скорбящего Христа, он не хотел брать с них денег и всякий раз, когда ему их предлагали, видимо страдал".*

Посещая богатых или зажиточных людей, он, конечно, брал причитающуюся ему сумму, но перед своей совестью и перед Богом он всегда заботился о том, как бы не взять лишнего.

Вот письмо, посланное им жене одного пациента:

"Досточтимая госпожа, я возвращаю вам часть гонорара, потому что мне кажется, что вы дали мне слишком много. Я надеюсь, что Бог пошлет вам радость, исцелив вашего мужа. И сделайте так, чтобы он не удалялся от Бога и посещал источник спасения (св. причастие).

С наилучшими пожеланиями Дж. Москати".

Москати призывал Всех, любить людей, и

ПОМНИТЬ:

«В страждущем человеке, главное не тело а душа»! «Важно милосердие, без него никак не обойтись», - говорил он.

После просмотра фильма и, изучая его биографию, я стала задавать себе вопросы: Сумею ли я так любить? Найду ли в себе силы для такой любви, единой, одинаковой для всех разных людей? Я и сейчас не могу сказать смогу ли, но точно знаю в душе, этого очень хочу. Такое чувство до слез прям, как будто в жизни я, что то упустила, не сделала то, для чего была послана сюда. Но надеюсь, и постоянно держу эту мысль, что в этой жизни я

только готовлюсь, а вот в следующей жизни, я обязательно это испытаю: любовь и помощь бедным и нуждающимся.

Бывали моменты, когда я не понимала, Джузеппе, его поступки. Я думала, если бы он себя поберег, скольким людям мог бы еще помочь, но изучая его биографию дальше, я поняла, что он считал профессию врача призванием и миссией своей, которые должны довести его до истощения, в том числе и физического, потому что только так может исполниться Промысел Божий. Поэтому он просто и без колебаний соглашался идти повсюду, куда его звали и тащили, и иногда говорил о том, что "погружен в пучину чудовищного хаоса страданий".

Великий поступок — пожертвовать собой, но при этом не говорить и не думать о том, что это жертва, напротив, понять и почувствовать, что прожить подобную жизнь — счастье. Самое лучшее и прекрасное. А ведь у большинства из нас не хватает на подобное сердечной теплоты и сил души.

Я бесконечно благодарна, что меня что-то привело к этому фильму. Еще раз убедилась, начинать нужно всегда с себя. Изменить то дурное,

что в тебе есть. Работать, делать, творить, сопереживать, в конце концов, научиться любить. Ценить, поддерживать, жить для людей — и тогда добро, которое ты делаешь людям — вернется к тебе!!!

Нам известны много истории святых людей, которые оставляли мирскую жизнь, уходили в лес или монастырь и служили там Богу, и людям. Для этого их ученики и просто люди, которым посчастливилось жить с ними рядом, пишут жития святых. Ибо их жизни являются для нас, простых смертных, лучшим примером. Но не так много общеизвестных историй людей, которые в мирской жизни показывали, пример истинной любви.

Уста Джузеппе Москати нам говорят:

«Бог — есть любовь».

«Душа — это капля, которая сливаясь с морем, сама им становится».

«Смерть — это не конец, а только начало».

«Каждый выбирает свой путь сам».

«В моем «ничего» я нашел «Всё»».

Так он и остался жить в сердце моем, он стал мне примером, показывая, как преодоление трудностей становится трамплином к развитию

сознания, к развитию любви к людям.

Такие люди, как Москати, наверное, рождаются раз в несколько столетий. Приходит в наш грешный мир подобный человек и озаряет своим присутствием, помощью, делами, словом, взглядом и лаской наши будни. Именно такие люди дают надежду и веру в лучшее, на них держится мир.

А ведь если задуматься, что он делал? Ничего особенного: просто работал, просто любил людей, просто верил в Бога. Эта простота и дает ему чистоту.

В письме к одному коллеге Москати писал: *"Блаженны мы, врачи, если помним, что кроме тел перед нами - бессмертные души, которых, согласно евангельской заповеди, мы должны любить, как самих себя. В этом - наше удовлетворение, а не в том, чтобы слышать, как нас провозглашают целителями физических недугов (Особенно тогда, когда совесть подсказывает нам, что физический недуг прошел сам собой!)"*.

Джузеппе Москати говорил — *«Ценны не картины на стенах дома, не богатства, которыми себя окружает большинство (ведь мы уйдем, все мы*

смертны, что может значить вещь), а улыбки в глазах людей, их здоровье, счастье и благодарность — это и есть истинная радость в жизни. Ради нее нужно жить и работать».

Однажды его несколько раз звали к больному пятнадцатилетнему мальчику, которого он полностью вылечил. Закончив лечение, он получил конверт с гонораром. Возвращаясь, домой, Москати открыл его и увидел, что там была довольно значительная по тем временам сумма - тысяча лир. По свидетельству очевидцев, он внезапно повернул обратно, в волнении взбежал по лестнице и отдал конверт, сказав с раздражением: *"Вы либо с ума сошли, либо приняли меня за вора"*.

Все сразу же подумали, что знаменитый профессор недоволен тем, что получил слишком мало, и отец мальчика в замешательстве протянул ему другую бумажку в тысячу лир. Однако профессор не только с неудовольствием отверг это новое приношение, но и вернул восемьсот лир, утверждая, что двухсот более чем достаточно. Потом он ушел со спокойной совестью, оставив семью пациента в полном недоумении.

Таким образом, если богатые звали его наперебой из-за его славы диагноста, бедные шли к нему чередой,

потому что они знали, что он не попросит у них платы за лечение. А наоборот еще, в самых тягостных случаях Москати клал несколько денежных бумажек в рецепты или под подушку нуждающегося пациента, особенно когда замечал, что болезнь началась или усугубилась из-за недоедания.

Иногда он сам покупал те лекарства, которые выписывал, или оплачивал лечение в больнице тем, у кого не было такой возможности.

Доктор не гнушался посещать самые бедные кварталы, самые глухие трущобы, если только там нуждались в его помощи. Его могли позвать в кварталы, пользовавшиеся самой дурной славой, в темные переулки, куда было опасно углубляться, где ему приходилось освещать себе дорогу спичками, но он никогда не отказывался приходить по вызову. Когда ему говорили о том, что это опасно, он отвечал:

"Нельзя бояться, когда идешь делать добро".

Один его друг встретил его вечером далеко от тех мест, где он обычно бывал. Он спросил его, что он делает в этих краях:

"Знаешь, - сказал со смехом Москати, - я каждый день прихожу, чтобы служить плевательницей для одного бедного студента".

Дело в том, что один молодой человек, больной

туберкулезом, хотя и не в заразной стадии, снимал комнату. Если бы хозяева узнали, что он болен, они выставили бы его на улицу, и поэтому Москати приходил каждый день унести грязные платки, чтобы сжечь их, и оставить чистые.

Один случай особенно трогателен и свидетельствует о поистине необычайной доброте. Жил-был бедный и одинокий старик, его здоровье было в критическом, хотя и не безнадежном состоянии, и болезнь могла внезапно обостриться. Ему нужно было постоянное медицинское наблюдение, но Москати не мог за ним наблюдать, потому что был очень занят в больнице. Поэтому они договорились так: каждое утро старик приходил в кафе на улице, по которой Москати шел в больницу и там (конечно, за счет профессора) выпивал чашку горячего молока с печеньем. Профессор проходил, заглядывал в кафе, проверял, там ли старик, улыбался ему и сразу же уходил. Если несколько дней подряд он его не видел, то знал, что должен как можно скорее зайти в его лачугу на окраине города, чтобы оказать ему помощь.

В свидетельство врачебных дарований Москати можно еще раз убедиться в его встрече со знаменитым тенором Энрико Карузо. Тот возвратился в Неаполь после того, как на одном из концертов в Нью-Йорке у него

открылось кровотечение. В Америке он консультировался с самыми знаменитыми врачами, то же самое он сделал в Риме, но никто не мог поставить ему правильного диагноза. В конце концов, он обратился к Москати. Было уже слишком поздно, и Карузо оставалось жить всего два месяца, но интуиция неаполитанского врача сразу же подсказала ему, что дело в под мозговом нарыве.

Впоследствии всем пришлось с ним согласиться, хотя ничто уже не могло помочь сорокавосемилетнему тенору. Врачебные познания Москати ему уже не могли помочь, но ему помогла его вера. И действительно, Москати не колебался сказать Карузо, что *"он посоветовался со всеми врачами, но не посоветовался с Иисусом Христом"*.

Карузо ответил: *"Профессор, делайте, что хотите"*. И Москати позаботился о том, чтобы ему принесли последнее причастие, и по-братски ухаживал за ним до конца.

Но вернемся к той славе, которой он пользовался как превосходный врач.

Сам высший медицинский авторитет того времени - Антонио Кардарелли, сделавший эпоху в итальянской медицине, считал Москати своим любимым учеником.

"Это лучший ученик, который был у меня за шестьдесят лет", - говорил он, выбрал его своим

личным врачом и бывал, тронут до слез, видя, как тот лечит больных.

Джузеппе постоянно работал в больничных палатах, по которым ходил в сопровождении учеников, обучая их медицине, непосредственно, на основе наблюдения за больными.

Он часто говаривал: ***"Рядом с больным нет иерархии. Все мы приходим сюда, чтобы учиться: все мы приходим к ложу больного, потому что больной - это книга природы"***.

Потом урок продолжался в «анатомическом театре», так Москати называл морг.

Кафедра патологоанатомии находилась тогда в упадке - никто не хотел ею заниматься, и Москати согласился безвозмездно заняться ее реорганизацией и рациональным переустройством.

Над входной дверью Маскати повесил старое изречение, ***"Это место, где смерть радуется, ибо может помочь жизни"***.

Москати попросил повесить на эти мрачные стены превосходной работы распятие с надписью под ним: ***"O mors ego mors tua" - "О смерть, я стану твоей смертью"***.

Когда студенты входили и вставали вокруг преподавателя, тот на мгновение останавливал взгляд на распятии и все замечали, что он молча молится; потом он принимался за вскрытие, всегда начиная с какого-либо

краткого, но достаточно выразительного напоминания:
"Здесь кончается гордыня человека! вот что мы такое! как поучительна смерть».

Ученики, проводившие все дни с Москати, буквально боготворили его и многие провожали его до дома, продолжая по дороге беседовать с ним и задавать ему вопросы. Один из них вспоминает о зрелище, ставшем обычным для Неаполя: *"Мы шли за ним целой процессией, как будто он был святым"*. После воскресного обхода больничных палат почти все шли вместе с ним в церковь.

Сам преподаватель писал в одном письме: *"Я создал как бы религиозную монашескую общину: мы с моими друзьями работаем, соревнуясь, движимые возвышенными идеалами. Мы так сентиментальны! Бог ведет нас. Я решил, что все молодые люди имеют право совершенствоваться. Читая не печатную книгу, где все написано черным по белому, но книгу, обложка которой - больничные койки и лаборатории, а содержание - страждущая плоть человеческая и научный материал, - книгу, которую нужно читать с бесконечной любовью и величайшим самопожертвованием ради ближнего"*.

(11 сентября 1923

года).

Во времена, когда призвания были четко отделены друг от друга - либо брак, либо монастырь - Москати решил оставаться в миру, не будучи связанным ни с какими монашескими объединениями, однако сознательно избрал безбрачие.

Он старался избегать мирских соблазнов, не говоря уже о материальных благах. В записке, найденной его сестрой в корзине для бумаг, нечто вроде его исповеди, записанной им для самого себя:

"Иисус, любовь моя! Твоя любовь возвышает меня; Твоя любовь освящает меня, обращает меня не к одному творению, но ко всем творениям, к бесконечной красоте всех существ, созданных по образу и подобию Твоему".

Один священник, которому Москати часто исповедовался, рассказывает: *"Когда я его спросил, о чем он думал в битком набитом трамвае, где мы случайно встретились и где он купил мне билет, он ответил мне: "О Боге, отец мой, о небе".*

"Рабу Божьему приходилось бороться со всеми врачами - членами масонских лож - ибо он открыто исповедовал свою христианскую веру, а также с теми, кто видел в нем сильного соперника, несмотря на его молодой возраст".

Призывы и утверждения: **"Исповедуйтесь", "Примиритесь с Богом", "Приобщитесь к Господу", "Подумайте о бессмертной душе", "Жизнь и смерть - в руках Божьих"** – раньше или позже находили свое место среди врачебных указаний, даваемых Москати его пациентам, особенно тогда, когда он видел, что их жизнь в опасности и что в опасности их вечное спасение.

Но дело в том, что когда он говорил об этом, больные уже так любили его, что почти всегда принимали эти указания с благодарностью, и многие слушались его.

Безошибочно поставив диагноз одному известному миланскому адвокату, чего не удавалось сделать никому из врачей, он вручил ему письмо, в котором рекомендовал ему одного из миланских священников, **"дабы он примирился с Богом, так как уже много лет назад удалился от Него"**, утверждая, что иначе не сможет вылечить его телесный недуг.

Другому больному, который, казалось, целый месяц лечился безрезультатно, он сказал: **"Вы не исповедовались, поэтому и не выздоравливаете. Бог напоминает вам об этом"**.

Тем, кто удивлялся его подходу к больным, он объяснял:

"Говорить с больными о том, что не касается болезни, вошло у меня в привычку, потому что у них есть и

душа".

Одному молодому человеку, самым тяжким недугом которого казалась абсолютная бесхребетность, он дал рецепт с надписью: **"Лечение Евхаристией"**, (молитва об исцелении).

"Это врачеватель телес и душ", - говорил о нем Бертолле Лонго, построивший святилище Девы Марии в Помпеях.

Многие письма Москати свидетельствуют о том, что в таком же духе он воспитывал и своих учеников:

"Пусть чувство долга неизменно руководит вами при исполнении миссии, доверенной вам Провидением: думайте о том, что ваши больные прежде всего наделены душой, к которой вы должны найти подход и которую вы должны привести к Богу; подумайте о том, что на вас возлагается долг любви к учению, потому что только так вы можете выполнить свою великую задачу - помогать людям в несчастьи. Наука и вера!" (16 июля 1926).

"Помните о том, что вы должны заботиться не только о теле, но и о стонающих душах, прибегающих к вам. Сколько скорбей вы скорее облегчите советом или

духовным утешением, нежели холодными аптекарскими рецептами" (1923).

Однако он никогда не вдавался в спиритуализм, пренебрегая телом. Одной монахине, которая хотела увести его на литургию в рабочее время, он резко ответил: **"Сестра, Богу служат, работая"**.

А одной благочестивой даме, которая отказывалась лечиться, говоря, что достаточно молитв, он возражал: **"Для вашей души полезнее, чтобы вашему телу сделали один-единственный укол от болезни, чем читать множество молитв"**.

Цельность личности Москати стала ясна всем его коллегам, даже его врагам, когда произошел случай, вошедший в историю Неаполя.

Шел февраль 1927 года. До смерти Москати, которую никак нельзя было предвидеть, оставалось всего два месяца. В Неаполь приехал выступать на научной конференции знаменитый профессор **Леонардо Бьянки**. Он заведовал кафедрой психиатрии и нейрохирургии сначала в Палермо, а потом в Неаполе. Затем он стал министром народного образования, а впоследствии - министром обороны и вице-президентом палаты депутатов. В 75 лет он опубликовал книгу "Механика мозга". Кроме того, он был известным масоном и

несколько лет назад организовал открытую конференцию против Иисуса Христа.

Семидесятидевятилетний профессор выступал перед залом, битком набитым врачами и преподавателями, и вдруг, когда раздался гром аплодисментов, он упал на землю. В зале присутствовали врачи самых разных специальностей, и все, включая Москати, собрались вокруг него.

Вот, что рассказывает Москати о случившемся: *"Я не хотел идти на конференцию, потому что давно уже не был связан с университетом, но в тот день нечеловеческая сила, которой я не мог противиться, увлекла меня туда... Случилось то, о чем говорится в евангельской притче: призванные в час одиннадцатый получают то же вознаграждение, что и призванные в первый час дня.*

В моей памяти неизгладимо запечатлелся взор умирающего, искавшего меня среди множества собравшихся преподавателей... И Леонардо Бьянки были хорошо известны мои религиозные убеждения, так как он знал меня еще студентом. Я подбежал к нему, подсказал ему слова покаяния и упования, в то время как он сжимал мою руку, не в силах говорить..."

С Москати можно было говорить о философии, об искусстве, о литературе, о музыке, о богословии, об урбанистике (раздел экономической географии).

Беседы с ним приносили неизменную пользу и пищу для ума, что заставляло задуматься о себе самих и о своей судьбе.

На страницах своего дневника Москати писал:

"Люби истину, будь самим собой, без притворства, страхов и оглядок. И если истина навлекает на тебя преследования, прими их; и если она стоит тебе мук, терпи их. И если ради истины тебе придется принести в жертву самого себя и свою жизнь, принеси эту жертву мужественно".

Москати была дана благодать ощущать и воплощать свое врачебное призвание как исчерпывающее выражение смысла и цели его существования, и ему он посвятил всю свою жизнь.

Еще в семнадцатилетнем возрасте он отвечал своей матери, предостерегавшей его от трудностей и опасностей профессии врача:

"Что вы говорите, мама! я готов лечь даже в постель больного!". И мать, хорошо его знавшая, сказала пророческие слова: ***"Чтобы облегчить страдания больных, он сам станет мучеником!"***.

Одному из друзей он признавался: *"Пишу вам поздней ночью. Уверяю вас, у меня нет времени даже на то, чтобы схватиться руками за голову... Больница, лаборатории, официальные занятия, мои занятия по диагностике и в клинике, масса тяжелобольных в подавленном состоянии духа занимают меня целиком и не дают мне делать ничего другого"*. (январь 1919 года).

Но каким бы самоотверженным ни был профессор, ему так же приходилось ежедневно бороться со своей вспыльчивостью в ответ на любые неурядицы. Однако он всегда старался взять себя в руки, и не позволить обстоятельствам, все более неотступным, выровнять все шероховатости своего характера.

Москати учил, что любовь к ближнему является истинной только тогда, когда она целиком устремлена к любви Богу.

Он сам признавался: ***"Господь дарует мне такое ясновидение, что я не могу воспрепятствовать ему, и нередко вижу уродство душ больных"***.

Иногда происходили случаи, пугавшие его самого.

Однажды он вернулся домой взволнованным и рассказал сестре:

"Знаешь, что произошло со мной сегодня? Ко мне пришла одна дама со своей дочерью. Дочери было года

двадцать четыре-двадцать пять. Посмотрев на нее, я ей сказал: "Барышня, вы еще не приняли первого причастия!". По ее слезам я заключил, что так оно и есть. Потом я пристально посмотрел на даму и сказал ей: *"Госпожа, вы живете со священником-расстригой"*. Знаешь, все это была правда, и я не могу себе объяснить, как я об этом догадался!".

Сестре пришлось утешить его, говоря, что это, конечно, одно из совпадений, которые иногда бывают.

И в том, что касается физических недугов, и в том, что касается недугов духовных, он, казалось, был наделен сверхъестественными дарованиями (точно так же, как Христос, согласно рассказам Евангелия!). Иначе говоря, пройдя весь путь науки, пройдя весь путь духовного созревания, который был для него возможен, его личность укоренилась в точке, где они сходятся: там, где его взгляд мог быть обращен и в ту и в другую сторону, чтобы прийти к их синтезу.

Укоренившись в милосердной любви, Москати стал великим врачом благодаря своей вере и великим верующим благодаря своим знаниям.

В одной рецензии он писал: ***"Боль нужно воспринимать не как судорогу или мышечное сокращение, но как крик души, на который брат***

больного, врач, бежит с пламенной любовью и милосердием".

Многому можно научиться у Джузеппе Москати. Вдохновляясь его примером, многого можно достичь.

На проникнутое глубокой благодарностью письмо своего ученика-врача, отправлявшегося по месту своего первого назначения, Москати ответил так: ***«Не наука, но любовь преобразила мир... Я всегда в глубине сердца жалею, что вы далеко от меня, и меня утешает только мысль о том, что что-то от меня осталось в вас; не потому, чтобы я чего-нибудь стоил, но в силу того духовного заряда, который я стараюсь сохранить и распространить вокруг. Я все время помню о вас, будьте уверены в этом. Целую вас во Христе!».***

Кардинал Ронкалли, прочитав жизнеописание Москати, назвал его светом Церкви.

Да, в нем было Величайшее человеколюбие!

А нам главное помнить — Важно научиться любить!

Джузеппе Москати была отпущена слишком короткая жизнь. Он умер 12 апреля 1927 года в возрасте 47 лет от скоропостижной болезни.

Многолюдная похоронная процессия, шедшая по улицам Неаполя, состояла из его друзей, его коллег, из его студентов и из массы простых людей, безгранично любивших и почитавших доктора. Один из них записал в книге соболезнований: **«Мир потерял Святого»**.

"Мы оплакиваем его, потому что мир потерял святого.

Неаполь - пример всяческих добродетелей.

А больные бедняки потеряли все".

Через три года после кончины Москати его тело было перезахоронено в неаполитанской церкви Джезу Нуово 16 ноября 1930 года.

Впоследствии мощи Джузеппе Москати были помещены под алтарём одной из боковых капелл, а в бывшей сакристии обустроен музей, посвящённый святому.

Его сестра Нина, ближайшая помощница и сподвижница Джузеппе, передала в церковь одежду, мебель и личные вещи своего брата, а также врачебные инструменты, которые позднее были использованы для обустройства музея.

Музей Джузеппе Москати в церкви Джезу Нуово небольшой. Там воспроизведена обстановка спальни доктора и его приемной. На стенах бесчисленное множество *вотивных приношений* – разнообразные

таблички и записки, слепки и изображения разных частей человеческого тела – так по католической традиции люди просят об исцелении или благодарят за него.

Образ Джузеппе Москати, кажется близким и понятным. На картинах и фотографиях приятное, умное лицо мужчины среднего возраста с добрыми и немного усталыми глазами – лицо человека, безграничная любовь и милосердие которого сильнее смерти.

Чувство почитания и преклонения, которое люди испытывали еще при жизни к Москати, еще сильнее вспыхнуло после его смерти.

Люди начали мысленно обращаться к нему, и большинство говорило о физическом и духовном облегчении после таких обращений.

Начиная с 1930 года и позже, были зарегистрированы случаи чудесных исцелений больных, которых официальная медицина признала безнадежными. Они ходили в церковь Джезу Нуово и обращались с молитвами к Джузеппе Москати. Один из них увидел во сне, как доктор Москати оперирует его, и проснулся здоровым. После зафиксированного соответствующей комиссией случая чудесного исцеления от рака неаполитанца Фуско (в видении мать больного наблюдала пришедшего к нему человека в белом халате,

в котором затем опознала Москати по фотографии), был инициирован процесс канонизации.

В 1987 году, через 40 лет после смерти, Джузеппе Москати был канонизирован Папой Римским Иоанном Павлом II как образец благочестивого мирянина, который использовал свою профессию врача, чтобы с бесконечной добротой заботиться о физическом и духовном здоровье людей и прививать им христианские ценности.

Канонизация Москати стала примером того, как святости может достигнуть современный мирянин, избравший обычную мирскую профессию. В речи, посвящённой канонизации Джузеппе Москати, Иоанн Павел II сказал: *«Человек, к которому мы сегодня будем взывать как к святому вселенской Церкви, представляется нам конкретным воплощением идеала христианина-мирянина... Ставя перед нашими очами человека, признанного святым, Церковь говорит всем мирянам: Размышляйте о своем призвании!»*

Хочу отметить, что процесс канонизации Римской католической церкви достаточно сложен. Каждый аспект жизни человека подвергался доскональному изучению, на это уходят годы. Жанну Дарк канонизировали через 600 лет после смерти.

Джузеппе Москати и сестра Нина

